

The image is a vertical composition with a dark, textured background. In the upper center, a glowing angel with large, dark wings is positioned against a bright, circular light source, creating a halo effect. Below the angel, the dark silhouette of a city with several spires is visible. In the lower right, a bearded man in a heavy, layered coat and boots stands holding a long wooden staff. The overall color palette is dominated by warm, golden-brown and black tones, giving it a somber and dramatic atmosphere.

БОРИС ЧУРИН

**АНГЕЛ
ГОСПОДЕНЬ**

Борис Чури Ангел Господень

*Текст предоставлен издательством
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=8206446
Ангел Господень: Издать Книгу;*

Аннотация

Даже сквозь сон Иосиф распознал голос своего петуха. Хриплый, с надрывом, его не спутаешь ни с одним петушиным криком в округе. Иосиф открыл глаза и некоторое время лежал неподвижно, устремив взгляд ввысь, наблюдая, как постепенно меркнет свет звезд на утреннем небосклоне. В последние дни в Назарете стояла изнуряющая жара и старый плотник (Иосиф уже седьмой десяток лет топтал грешную Землю) перебрался спать на плоскую крышу своего дома. Вместе с ним на крыше устроились двое его младших сына от первого брака. В доме остались две дочери, тоже от первого брака, и молодая (семнадцати лет от роду) жена, с которой Иосиф жил вот уже почти год. Были у Иосифа еще два старших сына, но они давно обзавелись собственными семьями и отделились от отца.

От созерцания звезд Иосифа отвлек голос младшего из сыновей. Мальчишка что-то бормотал во сне. Иосиф повернулся к сыну и прислушался. Мальчик, словно почувствовав внимание отца, тут же успокоился.

Содержание

Часть 1. Без конца.	5
г. Назарет, 8 месяцев до Рождества Христова.	5
г. Свердловск, 1968 год.	18
г. Назарет, 8 месяцев до Рождества Христова.	40
г. Свердловск, 1968 год.	43
Три недели спустя.	59
г. Назарет, 8 месяцев до Рождества Христова.	66
Конец ознакомительного фрагмента.	73

Борис Чурин

Ангел Господень

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

Часть 1. Без конца.

г. Назарет, 8 месяцев до Рождества Христова.

Даже сквозь сон Иосиф распознал голос своего петуха. Хриплый, с надрывом, его не спутаешь ни с одним петушиным криком в округе. Иосиф открыл глаза и некоторое время лежал неподвижно, устремив взгляд ввысь, наблюдая, как постепенно меркнет свет звезд на утреннем небосклоне. В последние дни в Назарете стояла изнуряющая жара и старый плотник (Иосиф уже седьмой десяток лет топтал грешную Землю) перебрался спать на плоскую крышу своего дома. Вместе с ним на крыше устроились двое его младших сына от первого брака. В доме остались две дочери, тоже от первого брака, и молодая (семнадцати лет от роду) жена, с которой Иосиф жил вот уже почти год. Были у Иосифа еще два старших сына, но они давно обзавелись собственными семьями и отделились от отца.

От созерцания звезд Иосифа отвлек голос младшего из сыновей. Мальчишка что-то бормотал во сне. Иосиф повернулся к сыну и прислушался. Мальчик, словно почувствовав внимание отца, тут же успокоился.

– Как он похож на свою мать, – подумал Иосиф, разглядывая лицо сына.

* * *

С первой женой Иосиф прожил более тридцати лет. Семь лет Бог не давал им детей. Бездетность угнетала плотника и омрачала его жизнь. Иосиф усердно молился, прося Бога подарить им детей, каждый месяц приносил в местный храм жертвенного петуха или курицу и, в конце концов, Всевышний внял его просьбам. Счастье пришло в дом Иосифа.

Родители не могли нарадоваться долгожданному потомству. Дети росли здоровыми и крепкими. Повзрослев, старшие сыновья стали помогать отцу в его ремесле. Иосиф с гордостью показывал соседям сделанную ими мебель. Благодаря сыновней помощи, Иосиф сумел расширить производство. К нему стали поступать крупные заказы. Жизнь теперь казалась чередой праздников и наслаждений. Думалось, что так будет всегда. Но праздники когда-то кончаются. Им на смену приходят будни, а вместе с ними горе и разочарование.

Четыре года тому назад заболела жена Иосифа. Болезнь подтачивала ее здоровье постепенно, в течение двух лет. В последние дни женщина тихо лежала в кровати, не открывая глаз. Также тихо она и скончалась.

Схоронив жену, Иосиф год проходил в бобылях. Искать для себя новую спутницу жизни старый плотник не хотел. Зачем? Приготовить еду, прибрать в доме – на то дочери есть. А побаловать плоть? Так какое баловство, когда тебе за шестьдесят? Нет, жениться во второй раз Иосиф не соби-рался. Но, как говорится, человек полагает, а Бог располагает. В один из дней к нему в дом пришел дальний родствен-ник по материнской линии. Родственника звали Исаак и за-нимался он торговлей: скупал оптом товар у купцов и прода-вал в розницу на рынке. Доход от торговли был небольшой, но стабильный.

Иосиф встретил гостя объятиями и поцелуями. Сели во дворе под навесом. Завели неспешную беседу: о погоде, о грядущем урожае, о ценах на продукты. Потом Исаак замол-чал и, глядя себе под ноги, долго и усердно теребил бороду.

– Иосиф, – начал он, наконец, вкрадчивым голосом, – ты слышал, какая со мной беда приключилась?

– Нет, – пожал плечами плотник.

– Змей-искуситель меня соблазнил, – сокрушенно пока-чал головой родственник, – решил я на старости лет разжить-ся по легкому. Предложил мне знакомый купец, за умерен-ную мзду, большую партию товара доставить из Финикии в течение месяца. Хорошие барыши сулил. Я на барыши эти и позарился. Занял у ростовщика денег и отдал купцу. Ме-сяц проходит, второй – купца все нет. Еще месяц миновал. Наконец, вернулся купец. Без товара и без денег. Ограбили

его лихие люди по дороге. Все отобрали, даже сандалий не оставили. А я то, по глупости своей, ни расписок, ни обязательств с купца не брал и денег теперь с него требовать не могу. А мне их отдавать надо. Ростовщик грозитя: если через десять дней долг не верну, он на меня в суд подаст. А в суде, сам знаешь, долго разбираться не будут. Шесть лет рабства и разговор закончен.

Мужчина тяжело перевел дыхание.

– Иосиф, я пришел к тебе за помощью.

– Но чем я смогу помочь? – развел руки в стороны хозяин дома, – ты же знаешь, хоть я из царского рода, но лишних денег у меня отродясь не водилось.

– Знаю! – замахал руками гость, – знаю! Не денег я пришел просить. Я тебе обмен предлагаю.

Плотник от удивления открыл рот.

– Обмен!? Какой обмен!?

– У тебя есть скот, – перешел на шепот родственник, – две коровы, бычок, овцы. Ты отдашь мне бычка и пять овец, а я тебе взамен свою младшую дочь Марию. Я скот продам и с долгом рассчитаюсь, а у тебя молодая жена будет.

На некоторое время Иосиф потерял дар речи, таращась на гостя изумленными глазами.

Тот с жаром продолжал:

– Ты же знаешь мою Марию. Красавица, каких сыскать трудно! Щечки – персики зрелые! Губки – словно вишня в соку. Грудь – что дыни медовые, сами в рот просятся. А

остальное...

– Спору нет, хороша девица, – перебил родственника Иосиф, к которому, наконец, вернулась речь, – но уж больно молода она для меня. Что я буду с ней делать?

– Да то же, что с первой женой делал! – вскинул руки Исаак.

Хозяин дома в ответ крикнул и смущенно потупил взор.

– Не сомневайся! – родственник похлопал его по колену, – ты как увидишь ее тело, так твой боец вскочит не хуже чем у жеребца годовалого! Кувшин с водой на нем сможешь носить!

Теперь настала очередь Иосифа теребить бороду.

– А что, если прав родственник? – думал старый плотник, – что, если женитьба на молодой девушке вернет мою мужскую силу?

Иосиф стал вспоминать, когда в последний раз видел дочь Исаака. Кажется, это было на пасху у храма. Мария шла тогда под руку с матерью и на лице ее блуждала задумчивая улыбка.

– Действительно, хороша девица, – продолжал размышлять плотник, – вот только цену за нее родственник заломил непомерную.

– Ладно! Беру твою дочь в жены! – вслух произнес он, – давай теперь цену обговорим.

О цене спорили долго, до хрипоты. В конце концов, ударили по рукам. Тут же составили ктубу, брачный договор.

Выкуп за невесту, могар, в окончательном варианте включал в себя бычка, двух овец, мешок риса и отрез льняной ткани. По взаимной договоренности, свадьбу и обручение совершили в один день (вместо обычного промежутка в двенадцать месяцев). Свадьбу справили скромно. Во дворе дома Иосифа за столом, кроме жениха с невестой, сидели дети Иосифа, дети родственника и он сам с супругой. Разговаривали мало, больше ели и пили. Мать Марии то и дело украдкой вытирала слезы с глаз. Лишь солнце стало клониться к горизонту, начали расходиться. Дети Иосифа ушли вместе с гостями, оставив молодых в доме одних.

Проводив родню, Мария тут же принялась убирать грязную посуду со стола. Потом нагрела воду, стала эту посуду мыть. Иосиф молча сидел в стороне, сложив руки на коленях, и наблюдал за молодой женой. Когда с посудой было покончено, Мария взялась за веник.

– Завтра подметешь, – тихим, но властным голосом распорядился хозяин дома.

Мария распрямила спину и вопросительно посмотрела на мужа. Тот медленно поднялся, подошел к жене и взял ее за руку.

– Пойдем, я покажу твою комнату.

Пройдя через переднюю, мужскую часть дома, они зашли на женскую половину, состоящую из двух комнат. В одну из них Иосиф завел молодую женщину.

– Раздевайся и ложись, – указал он на широкую, низкую

кровать, служившую ранее ночлегом для первой жены плотника.

Повернувшись к мужу спиной, Мария сняла с себя одежду и юркнула под одеяло. Иосиф шагнул к малюсенькому оконцу, единственному в комнате, и закрыл его куском материи. Теперь комната освещалась лишь одинокой свечой, стоявшей на невысоком столике в углу помещения. Иосиф скинул с себя одежду и, осторожно ступая, подошел к кровати. Опустившись на колени, он медленно стянул одеяло с тела молодой женщины. Мария закрыла глаза и отвернула лицо к стене. Ее грудь то судорожно вздымалась вверх, то резко оседала. Мышцы на животе нервно подрагивали. Иосиф наклонился и осторожно коснулся губами соска одной груди, потом другой. Затем пустил в ход язык. С надеждой и одновременно страхом прислушивался старый плотник к своим ощущениям. Горечь и разочарование постепенно закипали у него в груди. Нет! Обманул его родственник! Не под стать он годовалому жеребцу! Дряхлый мерин он, а не жеребец!

Заскрежетав зубами от досады, Иосиф вскочил на кровать и уселся верхом на жену. Зажав пенис между женской грудью, он принялся двигать тазом назад и вперед, но убедившись вскоре, что таким способом не добьется желаемого результата, сдвинулся вверх и, обхватив руками голову жены, придвинул к себе...

Через четверть часа тщетных усилий, потный и обессиленный, старый плотник сполз с кровати, сгреб с пола свою

одежду и вышел из комнаты. На следующую ночь Иосиф вновь решил попытать счастья, и вновь его постигла неудача. Так продолжалось несколько ночей к ряду, пока, наконец, Иосиф не понял, что время его безвозвратно ушло и теперь ему остается на этом свете лишь состариться и достойно умереть.

* * *

Иосиф откинул одеяло, встал и, держась за перила, спустился с крыши во двор. Вчера он получил заказ. Его старинный приятель, живший в соседней деревни, купил вола и теперь ему требовались новые, большие ясли для корма. Работа несложная. Много времени не займет. Больше уйдет на дорогу до деревни и обратно. А потому Иосиф встал сегодня рано, рассчитывая по холодку добраться до места. Он сходил в уборную, умылся и быстро совершил шахарит, утреннюю молитву. Положив в кожаный мешок с инструментами пшеничную лепешку, старый плотник покинул дом.

* * *

Мария проснулась, когда сквозь оконце в ее комнату проникли первые лучи солнца. Она по-кошачьи потянулась всем телом и перевернулась на бок с намерением еще понежить-

ся в кровати. Однако в следующее мгновение скинула с себя одеяло и резко встала на ноги. Движения молодой женщины были четкими, размеренными, словно просчитанными наперед. Она сходила во двор, умылась, затем вернулась в комнату и остановилась в самом ее центре. Повернувшись лицом в сторону Иерусалима и плотно сдвинув ступни ног, она приготовилась к шахариту. Брови женщины сошлись у переносицы, губы сжались в узкую полоску, напряженный взгляд сосредоточился на одной точке.

Мария понимала и каждой клеткой своего тела чувствовала, что сегодня решается ее судьба. Чувствовала и понимала, что за утренней молитвой непременно последует небесный суд, который определит, как ей жить дальше и жить ли вообще. Сегодня в шомеа тефила, в пятнадцатое благословление, Мария, наконец, решила включить просьбу к Богу, которую откладывала со дня на день в течение последней недели. Дальше откладывать не имело смысла. Вышли все сроки, а месячных по-прежнему нет и нет никаких признаков, что они появятся.

– Господи! Отверзи уста мои и уста мои возвестят хвалу Твою, – начала Мария молитву со стиха из псалма и почувствовала, как дрожит ее голос.

Глубоко вздохнув и переждав, когда успокоится дыхание, она продолжила:

– Благословен Ты, Господи...

По мере приближения к пятнадцатому благословлению,

голос женщины становился все тише и тише, в коленях появилась дрожь, а на лбу выступил холодный пот. Вот и пятнадцатое благословление. Перед тем, как приступить к изложению своей просьбы, Мария сделала небольшую паузу.

– Господи, прошу тебя, сделай так..., – начала молодая женщина, но тут ее голос треснул, надломился и затем пропал вовсе. Теперь лишь слабое движение губ свидетельствовало о том, что общение женщины с Богом продолжается.

Закончив молитву, Мария тяжело вздохнула и, на ослабевших ногах, с трудом добралась до кровати и опустилась на ее край. Несколько минут она сидела с закрытыми глазами, склонив голову на грудь. Неожиданно за куском плотной материи, прикрывающей вход в комнату, раздался голос младшей дочери Иосифа:

– Мария, ты сходишь за водой?

Молодая женщина вздрогнула и поднялась с кровати.

– Да, сейчас схожу.

Взяв два больших кувшина, Мария вышла со двора. Дорога к источнику петляла меж приземистых домов, повернутых к ней (дороге) глухими, без окон, стенами, сложенными из высушенного кирпича. Босые ноги молодой женщины оставляли в пыли ровную цепочку следов.

За очередным поворотом Мария едва не столкнулась с нищим, который сидел, поджав под себя ноги и прислонившись спиной к стене дома. Ветхая одежда чуть прикрывала грязное тело мужчины неопределенного возраста. Мария ахнула

от неожиданности и шагнула в сторону, стараясь обойти нищего.

– Мария, – вдруг заговорил мужчина хриплым, низким голосом, – подожди, Мария. Мне необходимо сказать тебе нечто, очень важное.

Молодая женщина испуганно попятилась от незнакомца.

– Кто ты? Откуда тебе известно мое имя?

– Не бойся меня, Мария, – лицо нищего осветилось доброй улыбкой, – я принес тебе благую весть: Бог услышал твою просьбу и внял ей.

Сердце Марии бешено заколотилось в груди. Спазм в горле перехватил дыхание. Некоторое время молодая женщина молча вглядывалась в лицо нищего.

– Кто ты? – наконец, смогла выдать она из себя слова.

– Я – Ангел Господень Гавриил, – лицо мужчины сделалось серьезным, – я пришел на Землю, чтобы передать тебе слово Божие. Поставь свои кувшины и выслушай меня внимательно.

Не сводя глаз с Ангела, Мария выполнила его просьбу и опустила кувшины. Теперь она вся обратилась в слух.

– Ты совершила тяжкий грех, Мария, – начал Гавриил тихим голосом, медленно поглаживая при этом свою бороду, – ты вступила в порочную связь с горшочником Пандерой и зачла от него ребенка. Сие прелюбодеяние карается смертью в вашей стране. Но Бог милостив и он прощает тебе этот грех. Господу ведомо, что в связь с горшочником Пандерой

ты вступила по великой любви и что муж твой Иосиф не в силах удовлетворить твоих естественных желаний. Бог все это видит и понимает. Тем не менее, ты никогда не была бы прощена, если на твоего будущего ребенка не пал Божий выбор. Твоему мальчику, Мария, а у тебя родится именно мальчик, предстоит стать машиахом, мессией.

Крик отчаяния чуть было не вырвался из груди женщины, но она успела вовремя зажать рот руками.

– Ты, кажется, не рада этой новости, Мария? – удивился Ангел.

– Нет..., почему же..., – забормотала растерянно молодая женщина, – просто..., просто я бы предпочла, чтобы у меня был самый обыкновенный ребенок, который ничем не отличался от своих сверстников. Который рос возле меня, любил меня, нарожал мне внуков, а когда я состарюсь, ухаживал за мной. Если мой мальчик станет машиахом, он будет принадлежать людям, а не мне. Я потеряю его.

– Понимаю тебя, Мария, – закивал головой Гавриил, – как любой матери, тебе хочется, чтобы твой ребенок всегда оставался с тобой. Понимаю, но помочь тебе не смогу. Выбор сделан. Тебе придется смириться с тем, что твой сын станет машиахом, что ему уготовлена в этом мире великая миссия, что он поведет народ Израилев, а за ним и все человечество светлой дорогой к царству любви и справедливости.

Ангел Господень замолчал, внимательно вглядываясь в лицо молодой женщины и ожидая ее ответа.

– Почему я, блудница, – заговорила та нерешительно, – выбрана в матери будущего машиаха? Разве мало других, более достойных женщин?

– Твой муж Иосиф из рода царя Давида. А в Священном Писании сказано, что машиахом станет потомок Давида. Это одна из причин Господнего выбора. Другие же причины своего решения, – Ангел развел руки в стороны, – Всевышний мне не поведал.

– Скоро мой муж узнает о моей беременности и тогда...

– Об этом не беспокойся, Мария, – прервал женщину Гавриил, – я поговорю с Иосифом. Он будет убежден, что ты зачала ребенка от Святого Духа. И ты, Мария, не должна его в этом разубеждать.

– А как же Пандера...?

– С горшочником я тоже поговорю.

г. Свердловск, 1968 год.

Мочевой пузырь раздулся до размеров волейбольного мяча.

Казалось, еще минута и он лопнет, не выдержав распирающего его внутреннего давления.

– Надо пойти, поссать, – эта мысль оказалась первой в пробуждающемся сознании Юрия Николаевича Колотова в ненастное августовское утро 1968 года.

– Как же мне хреново!

Сформировалась вторая по счету мысль, свидетельствовавшая о том, что ее хозяин смог произвести анализ своего самочувствия.

Действительно, состояние Юрия Николаевича на тот момент оставляло желать много лучшего. В голове гудело так, словно там разместился оркестр духовых инструментов, исполнители которого решили поиздеваться над публикой. В животе что-то клокотало, а во рту ощущался мерзкий, кислый запах.

– Надо встать и пойти в туалет, – решил Юрий Николаевич.

Он медленно, чтобы не растревожить, продолжавший клокотать живот, перевернулся на бок и открыл глаза. Взгляд уперся в расплывшееся на подушке светло-коричневое пятно, обильно сдобренное остатками исторгнутого желудком

вчерашнего ужина. Несколько секунд Колотов внимательно рассматривал представшую его взору картину.

– Разве я вчера ел помидоры?

Попытался напрячь память Юрий Николаевич, заприметив красные кусочки в месиве не переваренной пищи.

Мочевой пузырь напомнил о себе резкими покалываниями в нижней части живота. Колотов осторожно перелез через блевотину, спустил ноги с кровати и, пошатываясь из стороны в сторону, пошлепал в туалет.

– Да, прилично я вчера нализался, – тяжело вздохнул Юрий Николаевич, – и все же далеко не так, как с Генрихом Валуа герцогом Анжуйским. Мы тогда отмечали его избрание на польский престол. Я после той попойки три дня с постели встать не мог. Самого Генриха на следующее утро нашли на конюшне, в куче навоза.

Новые колики в животе заставили Колотова ускорить шаг. Когда струйка желтой жидкости весело ударилась о дно унитаза, из груди Юрия Николаевича вырвалось долгое “Уууу...”. От удовольствия он зажмурил глаза и... в следующую секунду, теряя равновесие, стал заваливаться на бок. Озорная струя запрыгала по кромке ночного горшка, соскочила на пол и образовала там изрядной величины лужу. Юрий Николаевич открыл глаза и одновременно уперся рукой в стену. С трудом приведя тело в вертикальное положение, он вновь направил струю в нужном направлении.

Облегчившись, Колотов взял тряпку с намерением подте-

реть пол. Но, как только его голова оказалась на уровне живота, тошнота резко подступила к горлу, и Юрий Николаевич поспешил выпрямиться. Он бросил тряпку в центр лужи и ногой слегка повозюкал ею по полу. Часть жидкости впиталась в тряпку, однако, в углу, за унитазом, еще сохранились ее значительные разливы.

Не в силах продолжать работу, Юрий Николаевич направился на кухню. Здесь он открыл кран холодной воды и поставил под струю стакан. Рука со стаканом дрожала так, словно ее дергал из стороны в сторону злой насмешник, поставивший перед собой цель не дать хозяину дома утолить жажду. С трудом наполнив стакан на две трети его объема, Юрий Николаевич поставил его на край стола и сел рядом на табурет. Обхватив стакан двумя руками и склонив к нему голову, Юрий Николаевич стал осторожно наклонять сосуд. Вода медленно потекла в раскаленное жаждой горло.

Опорожнив стакан, Колотов вновь наполнил его водой и повторил операцию. На этот раз тряска была не столь сильной и третий стакан Юрий Николаевич смог выпить, уже не садясь за стол.

Утолив жажду, Колотов подошел к окну и настежь распахнул его обе створки. В помещение ворвался прохладный, насыщенный влагой воздух. На улице моросил мелкий, противный дождь. Тяжелые, грязно-серые тучи закрывали все видимое между крышами соседних домов пространство. Тучи сползли с небосвода так низко, что Колотову показалось,

будто он физически ощущает их давление на свою грудную клетку. Это ощущение вызвало ноющую тоску и острое желание опохмелиться.

Юрий Николаевич отступил от окна, опустился на табурет и, уткнув локоть в стол, подпер голову рукой.

– Какого черта я вчера так нажрался? – задался он риторическим вопросом, – ведь не хотел же с утра пить!

Колотов тяжело вздохнул.

– Генка-говнюк во всем виноват! Он меня расстроил! Начальник сраный!

Юрий Николаевич стал в подробностях вспоминать весь вчерашний день.

* * *

С утра его мучило похмелье, поскольку вечером предыдущего дня они с Трофимом выкушали по флакону портвейна. Рабочий день в НИИ Высоких Энергий, где Юрий Николаевич числился старшим научным сотрудником, начинался в 8:30, а пивной бар в двух кварталах от его дома открывался ровно в восемь.

– Успею пропустить кружечку.

Решил Юрий Николаевич, направляясь в противоположную от института сторону.

Однако успеть к началу рабочего дня Колотову не удалось. Во-первых, потому что бар открылся на девять минут поз-

же положенного времени, а, во-вторых, очередь, состоящая из лиц, страждущих победить похмельный синдром, оказалась в тот день необычно большой. В результате, на работу Колотов заявился с опозданием в один час двенадцать минут. Зайдя в лабораторию, Юрий Николаевич чуть слышно поздоровался с коллегами и быстро прошел к своему столу. Серега и Люся, в ответ на его приветствие, кивнули головами. Зинаида же Матвеевна, старая калоша, демонстративно посмотрела на стенные часы и со вздохом покачала головой. После этого, она всем телом повернулась к Колотову и слащавым голосом пропела:

– Юрий Николаевич, вас Геннадий Васильевич просил зайти.

Прежде, чем отправиться в кабинет заведующего лабораторией, Колотов заскочил в туалет и принялся интенсивно поливать лицо холодной водой. Насухо обтеревшись далеко не первой свежести носовым платком, Юрий Николаевич критическим взглядом оглядел свое отражение в зеркале над умывальником. Результатом осмотра он остался недоволен. Несмотря на водные процедуры, лицо оставалось одутловатым, под глазами набрякли тяжеловесные мешки, а кожа своим цветом напоминала пережженный кирпич. Юрий Николаевич сокрушенно покачал головой и, покинув туалет, побрел к кабинету начальника.

– Войдите, – откликнулся на стук Генкин голос.

Колотов открыл дверь, огляделся и, убедившись, что в ка-

бинете, кроме его хозяина, никого нет, с улыбкой произнес:

– Доброе утро.

Сидящий за столом лысоватый мужчина отдернул рукав пиджака и, взглянув на часы, ответил с ударением на последнем слове:

– Добрый день.

Он закрыл папку, содержимое которой внимательно изучал, и обратился к вошедшему:

– Проходи, садись.

Юрий Николаевич взял у стены стул и, чтобы не дышать на начальника смесью вчерашнего портвейна и сегодняшнего пива, поставил его у нижнего основания Т-образного стола. Усевшись, он изобразил на лице живейшее внимание.

– Как у тебя дела с экспертной оценкой “УТ-2”? – начал разговор завлаб.

– Заканчиваю, – коротко ответил Колотов.

– “Заканчиваю”! – эхом отозвался начальник, – а ты помнишь, что в понедельник ты уже должен представить пояснительную записку?

– Представлю, – Юрий Николаевич постарался придать голосу уверенность, – я же тебя никогда не подводил.

– “Не подводил”!? – глаза хозяина кабинета едва не вылезли из орбит, – ты меня не подводил!? А то, что ты сегодня пришел на час позже, и об этом уже доложили завсектором, это ты считаешь “не подводил”!? А то, что на прошлой неделе ты два дня прогулял, это тоже “не подводил”!? За про-

шлый месяц ты взял пять дней “за свой счет”. В июне ты отсутствовал без уважительной причины шесть дней, в мае – четыре! Вот, – он схватил со стола папку и потряс ей в воздухе, – у меня здесь все записано!

От визгливого крика начальника Колотов почувствовал, как внутри у него начинает вскипать волна безрассудной ярости. Усилием воли он постарался подавить ее и, насколько это было возможно, миролюбиво обратился к завлабу:

– Чего ты расшумелся? Ну, прогуливаю иногда. Что из того? К качеству моей работы у тебя претензий же нет? А это главное.

– Может, для тебя это главное, – снова повысил голос хозяин кабинета, – а для меня главное – получать поменьше пинков от начальства. Вон, зам. по науке уже второй раз ко мне подкатывается: Не много ли ты Колотову позволяешь? Я уж не говорю про завсектором. Тот, вообще, на меня волком смотрит!

Долго сдерживаемая волна вышла из повиновения и ударила Юрию Николаевичу в голову. Он привстал со стула и упер в собеседника немигающий взгляд.

– Стало быть, ты начальства испугался? – прохрипел Колотов, – ну, конечно, ты, Геночка, всегда старался начальству угодить! Полгода назад, когда я сидел на этом месте, – он ткнул пальцем в кресло, которое занимал завлаб, – ты тут, передо мной ножкой шаркал, по-собачьи в глаза заглядывал. Забыл!? А я помню! Все помню! И кто тебе помог кандидат-

скую, а затем докторскую состряпать тоже помню! А вот ты, кажется, забыл, что своим нынешним положением, прежде всего, обязан мне!

Хозяин кабинета потупил взор.

– Да помню я это все, помню, – чуть слышно пробубнил он, – и буду помнить до гробовой доски. Но и ты пойми: не могу я тебя бесконечно прикрывать. Люди же все видят. И как ты прогуливаешь, и как опаздываешь. Видят, что ты почти каждый день с бодуна на работу приходишь. Ты посмотри на себя в зеркало. У тебя...

– Хватит!

Юрий Николаевич с силой хлопнул ладонью по столу. Его собеседник испуганно дернулся и замолчал. Колотов тяжело поднялся со стула и медленно двинулся к выходу. Взявшись за дверную ручку, он повернулся к начальнику вполоборота.

– Не переживай. Избавлю я тебя от лишних проблем. Сегодня же напишу заявление об уходе.

– Юра! – заведующий лабораторией вскочил с места, – ты меня не так понял! Я же совсем другое имел в виду! Я хотел...

– Знаю, что ты хотел, – перебил начальника Колотов, – я тебя хорошо знаю, Гена. Прощай.

Юрий Николаевич махнул рукой и вышел из кабинета.

– Ну вот, опять уволили, – подумал он, направляясь в отдел кадров, – казалось, можно было бы уже привыкнуть к этому, а все равно на душе мерзко. Кстати, когда меня в по-

следний раз увольняли? – Колотов на секунду задумался, – в 1918-ом. Точно, в восемнадцатом, в Сеуле, в ресторане у “Толстого Муна”.

Юрий Николаевич ухмыльнулся, вспомнив шарообразную фигуру своего бывшего хозяина.

К удивлению Колотова, собрать необходимые подписи на заявлении оказалось совсем несложным делом. Через полтора часа, получив в бухгалтерии расчет, он зашел в лабораторию, забрать личные вещи. Сев за свой стол, Юрий Николаевич потянул на себя ручку ящика и в следующий момент вдруг каждой клеткой головного мозга осознал и каждым нервом своего тела ощутил, что совершает ставшее привычным действие в последний раз. Юрий Николаевич отпустил ручку и, положив ладонь на стол, осторожно погладил его облупившуюся во многих местах полировку.

– Сколько же этому трудяге лет? – возник в голове неожиданный вопрос.

Юрию Николаевичу вспомнился тот день, когда он впервые сел за этот стол. Колотов хорошо помнил эту дату: 30 апреля 1960 года. Канун майских праздников. В тот день провозжали на пенсию его бывшего руководителя по аспирантуре, бывшего директора института, академика Михаила Федоровича Захарова. В конце торжеств Михаил Федорович взял Колотова под локоть, подвел к новому директору и, в присутствии многих людей, громко произнес:

– А мой стол прошу передать моему лучшему ученику, то-

варищу Колотову, – и, повернувшись к Юрию Николаевичу, поднял вверх указательный палец, – мне его сам Лаврентий Павлович Берия подарил. Как тогда говорили, в знак особого уважения. Этот стол из карельской березы сделан. Ему сноса нет. За этим столом думается легко. Вероятно, благодаря ему, я и стал академиком.

Все громко рассмеялись, а Захаров, взяв в свою худенькую ладошку руку Юрия Николаевича, крепко сжал ее.

– Надеюсь, и вам он поможет вырасти до академика.

Юрий Николаевич тяжело вздохнул, резким движением выдвинул ящик стола и принялся поспешно складывать свои вещи в портфель.

Через четверть часа, захлопнув за собой массивную институтскую дверь, он в нерешительности остановился на крыльце, вертя головой из стороны в сторону, словно витязь на распутье. Утром, выходя из пивного бара, Колотов дал себе слово до понедельника спиртного не принимать, поскольку ему, кровь из носа, необходимо было закончить экспертную оценку прибора “УТ-2”, заказа министерства обороны. Теперь, однако, обстоятельства изменились. Необходимость в завершении экспертной оценки, в связи с увольнением, отпала, в то время как горькая обида на бывшего начальника жгла душу и это жжение требовалось по-быстрее залить.

Приняв решение, Колотов спустился с лестницы и направился в ближайший виноводочный магазин. Купив бутылку водки, он сел в троллейбус и поехал к Трофиму.

Панкратов Трофим Геннадьевич проживал в нескольких кварталах от дома Юрия Николаевича. Познакомились они около года назад в очереди в винный отдел местного гастронома. Скинувшись на бутылку, они пошли к Колотову домой. С тех пор, раз или два в неделю, друзья-собутельники собирались то у Юрия Николаевича, то у Трофима чтобы, за неспешной беседой, влить в себя некоторое количество горячительной жидкости.

Дверной звонок в квартире Панкратовых не работал, и Юрию Николаевичу пришлось стучать в дверь кулаком. Однако на стук первой открылась дверь в соседнюю коммуналку, где жили две седенькие старушки. Соседки встали в дверном проеме и так усердно затрясли головами, что, казалось, вознамерились вытряхнуть из волос скопившуюся там за много лет перхоть.

– Э-э-эх, опять появился! И, небось, опять с бутылкой! – начала та, что была повыше и похудее.

– А еще с портфелем! Интеллигент! – продолжила поменьше ростом и пышнее телом.

Юрий Николаевич повернулся к старушкам спиной и из всех сил принялся долбить дверь.

– Да хоть ногой пинай, все одно, не откроет, – ухмыльнулась тощая.

– Ты, как вчера ушел, так к нему еще два алкаша с бутылками появились. Так теперь он, наверняка, дрыхнет без задних ног, – пояснила ее подруга.

Неожиданно дверь в квартиру Трофима приоткрылась и в образовавшуюся щель просунулась голова владельца жилплощади. Дыбом стоящие волосы вздрагивали в такт трясу-щемуся в похмельной лихорадке телу. Взгляд мутных глаз уперся в Колотова.

– А-а-а, Николаич! – признал Трофим товарища, – заходи.

Хозяин квартиры шире открыл дверь, пропуская гостя внутрь помещения. В этот момент в поле его зрения попали вмиг притихшие старушки.

– А вам чего тут надо? – рявкнул на них Трофим, – ну-ка, кыш в гнездо, вороны старые!

Дверь в коммуналку захлопнулась с быстротой выпущенной из лука стрелы.

На кухонном столе, среди грязной посуды, высились три пустые водочные бутылки. Трофим указал на них рукой.

– Вчера, как ты ушел, ребята из соседнего подъезда подружили. Как пришли, помню. Как сидели тут, тоже помню, а как они ушли, хоть убей, не помню.

Юрий Николаевич взял со стола две рюмки и протянул Трофиму.

– На-ка, помой.

– У тебя есть что-нибудь? – обрадовался хозяин дома.

– Есть, – грустно улыбнулся Колотов.

Он собрал грязную посуду со стола и составил ее в раковину умывальника. Затем достал из портфеля бутылку и, с помощью ножа сдернул пробку. Трофим торжественно во-

друзил на стол вымытую посуду. Юрий Николаевич тут же наполнил ее до краев.

– За что пьем? – Трофим трясущейся рукой поднял рюмку.

– За окончание моей работы, – с той же грустной улыбкой предложил Колотов.

– Ты уже закончил свою срочную работу?

Юрий Николаевич в ответ покачал головой.

– Срочную работу не закончил, а вот работать в институте закончил.

– Значит, уволили! – Трофим хлопнул ладонью по столу.

– Сам ушел, – поправил товарища Колотов, – по собственному желанию.

– Сам, ни сам, а я тебя предупреждал, что долго ты там не продержишься. Завязывать тебе надо было с пьянкой.

– А тебе не надо? – усмехнулся Юрий Николаевич.

– И мне надо, – вздохнул Панкратов, – вот, за это и выпьем.

Они чокнулись и одновременно опрокинули в рот содержимое рюмок.

В промежутке между первой и второй рюмками, Юрий Николаевич рассказал товарищу о своей последней беседе с заведующим лабораторией.

– Его понять можно, – примирительно произнес Трофим, наполняя водкой посуду, – с него начальство тоже стружку дерет.

Между второй и третьей рюмками, обсудили проблему взаимоотношения начальников и подчиненных в более широком плане, рассматривая вопрос с юридической, нравственной и даже с политической точек зрения.

– Дружба между начальником и подчиненным подобна дружбе между наездником и лошастью, – завершил тему Трофим и наполнил рюмки по третьему разу.

– А ты знаешь, что в Красной кавалерии использовались исключительно кобылы? – вспомнил Юрий Николаевич вычитанный когда-то из научно-популярной литературы факт.

Между третьей и четвертой рюмками поговорили о лошадях.

– Вот и все, – грустно выдохнул Трофим, разливая остатки водки.

– Нет, не все, – возразил Юрий Николаевич и, вынув из кармана деньги, протянул их другу, – сгоняй в гастроном, возьми еще одну.

Когда вторая бутылка была опорожнена наполовину, раздался стук в дверь. Пришли вчерашние собутыльники Трофима с двумя бутылками водки. Одного из пришедших звали, кажется, Вадимом. Имя второго, как не силился Юрий Николаевич, вспомнить он не мог.

* * *

– Так вот откуда у меня в желудке оказались помидоры! –

осенило Юрия Николаевича, – Вадим пришел с полной сумкой помидор. Его жена на рынок за помидорами отправила.

Мысль о помидорах напомнила Юрию Николаевичу об испачканной подушке. Он поднялся с табурета и нехотя побрел в комнату. Аккуратно взяв подушку с кровати, Колотов медленно понес ее в ванную комнату. Заметив по пути свое отражение в зеркале, Юрий Николаевич невольно улыбнулся, подумав, что своим видом напоминает участника траурной процессии, несущего на подушке правительственные награды усопшего.

Когда до двери ванной комнаты оставалось не более трех шагов, неожиданно прозвенел дверной звонок. Юрий Николаевич вздрогнул и, в следующий момент, кусок не переваренной вермишели соскользнул с подушки и плюхнулся на пол. Колотов попытался отбросить ногой вермишель под тумбочку, но лишь размазал тесто по паркету.

Вновь прозвучала трель звонка.

– Иду, иду! – крикнул Юрий Николаевич в сторону коридора и проворчал себе под нос, – как пить дать, это Трофим трезвонит. Пришел с утра пораньше полечиться.

Бросив подушку на дно ванны, Юрий Николаевич поспешил в коридор. Уверенный, что за дверью стоит его товарищ, Колотов уже потянулся к замку, но в последний момент задержал руку и спросил:

– Кто там?

– Папа, это я, – донесся из-за двери голос дочери.

Юрий Николаевич сжался, словно его облили ледяной водой.

– Варя..., Варюшенька..., – залепетал он растерянно, – я сейчас... Одну минуту... Я только оденусь...

Колотов бросился в комнату, схватил со стула рубашку, брюки и спешно принялся натягивать их на себя. Носков на стуле не оказалось и Юрий Николаевич, опустившись на четвереньки, стал заглядывать попеременно под кровать, диван и даже под шкаф. Носков нигде не было. Оставив напрасные поиски, Колотов схватил покрывало и набросил его на кровать. Затем он сгреб со стола старые газеты и прочий мусор и засунул все в шкаф. Туда же были отправлены пуловер, трико и пиджак. Остановившись посреди комнаты, Юрий Николаевич огляделся по сторонам.

– Хорошо бы, конечно, вытереть с мебели пыль и вымыть пол, – подумал он, – но это потребует слишком много времени.

Решив для себя сегодня же заняться уборкой квартиры, Юрий Николаевич поспешил встречать дочь.

– Привет, папуля! – Варя обняла отца за шею и чмокнула в щеку, – ты что, не брился? – тут же с укором покачала она головой.

– Не успел. Только что проснулся. Вчера допоздна работал, – стал оправдываться Колотов, – ты проходи.

Варя зашла в комнату и села на диван.

– Я тебе все утро звоню, а телефон не отвечает.

– А... а у меня аппарат сломался, – соврал Юрий Николаевич, хотя прекрасно помнил, что телефон ему отключили на прошлой неделе за неуплату.

Некоторое время Варя сидела молча, низко склонив голову.

– Пап, я пришла поговорить с тобой, – начала она робко.

– Говори.

Юрий Николаевич медленно опустился на стул, чувствуя по тону дочери, что ничего хорошего этот разговор ему не сулит.

– Пап, мне вчера Геннадий Васильевич позвонил, – Варя сделала короткую паузу, украдкой взглянув на отца, – он просил тебя вернуться на работу.

Злорадная улыбка скривила рот Юрия Николаевича.

– Стало быть, самому слабо экспертную оценку закончить? – обращаясь не то к дочери, не то к самому себе, спросил он.

– Нет, пап. Он не по поводу оценки звонил, – девушка прижала руки к груди, – он сказал, что работа это – последняя нить, которая связывает тебя с жизнью. Без работы ты погибнешь. Поэтому тебе необходимо вернуться в институт.

Колотов почувствовал, как кулаки его сжимаются до боли в суставах, а горло перехватывает спазм. Он вскочил со стула и несколько раз прошелся по комнате из угла в угол.

– В добренького ему захотелось поиграть!.. Тоже мне, са-

маритянин выискался!.. – доносились до слуха Вари обрывки фраз, – холуй бесхребетный!.. Бездарь от науки!.. – внезапно Юрий Николаевич остановился перед дочерью, – вот что..., Варюша..., – прохрипел он, запинаясь, – если Геннадий Васильевич еще раз позвонит, то передай ему мою благодарность. И скажи, что в его заботе и участии я не нуждаюсь. И чтобы в дальнейшем он не смел вмешиваться в мою жизнь, тем более...

Колотов хотел сказать еще что-то, но передумал, махнул рукой и, тяжело опустившись на стул, отвернулся к окну.

С минуту оба молчали.

– Куда же ты теперь пойдешь работать? – первой заговорила Варя.

– Устроюсь куда-нибудь, – пожал плечами Юрий Николаевич и в следующий момент вскинул голову, – Варя, я вчера деньги получил! – радостно сообщил он и тут же потупил взгляд, – я ведь последние два месяца тебе ничего не давал. Ты извини меня. Сам не знаю, куда все деньги потратил. Растеклись по мелочам.

Колотов вскочил со стула и бросился к шкафу, куда несколько минут назад засунул пиджак.

– Пап, не надо, – остановила его Варя.

Юрий Николаевич замер посреди комнаты.

– Как “не надо”? Почему “не надо”? Ты что, отказываешься от моей помощи?

– Нет, пап, – Варя мотнула головой, – я не отказываюсь.

Просто,... она мне уже не нужна.

– Почему?

– Потому что я уже вторую неделю сама работаю, – после недолгого колебания ответила Варя.

– Работаешь!?! – Вскрикнул Юрий Николаевич, словно от укуса ядовитой змеи. Несколько секунд он молча разглядывал дочь, словно впервые увидел ее.

– А как же институт!?! Ты что, бросила учебу!?!

– Я перевожусь на заочное отделение, – тихо ответила Варя.

– Но почему!?!

Юрий Николаевич протянул к дочери руки ладонями вверх, будто надеясь, что она вложит в них свой ответ.

Варя решительно вскинула голову, и ее прямой взгляд заставил Колотова опустить глаза.

– Потому что я – женщина! Молодая женщина, – голос Вари дрожал от возбуждения, – и мне, как любой женщине, хочется красиво одеваться. Хочется делать модные прически, маникюры, педикюры. Наконец, хочется развлечений. А чтобы все это иметь, нужны деньги. Да, да, – повисила она голос, – те самые деньги, которые в детстве ты учил меня презирать. Учил, что в жизни есть другие ценности: интересная работа, дружба, любовь. А на поверку оказалось, что деньги определяют все. Если бы у тебя были деньги, я могла сейчас учиться в самых престижных ВУЗах страны. И после их окончания, меня, наверняка, ожидала интересная работа

и высокое положение в обществе. А любовь!?! Да в тех нарядах, которые сейчас ношу, я могу рассчитывать на внимание лишь со стороны таких отморожков, как твой нынешний друг Трофим. Вот эти туфли, – Варя ткнула пальцем себе в ноги, – я ношу больше двух лет! Они уже давно вышли из моды! Вот это платье, – девушка дернула себя за подол, – я перешивала дважды! И после этого ты еще спрашиваешь, почему я бросила институт!?! А ты вспомни, сколько ты обещал давать мне в месяц, когда я туда поступила. Сто рублей! Но такой суммы я так никогда от тебя и не получила. Три месяца назад ты последний раз принес мне деньги, несколько мятых трояков и пятерок.

На глазах девушки навернулись слезы. Она замолчала, прикрыв лицо руками. В течение ее монолога, вытянутые вперед руки Юрия Николаевича постепенно опускались, словно от непосильной тяжести и, наконец, вернулись в исходное положение, повиснув плетью вдоль туловища. Теперь Колотов стоял перед дочерью, как нашкодивший ученик перед учителем, уперев взгляд в босые ступни своих ног. Немая сцена длилась пару минут. Юрий Николаевич первым нарушил молчание.

– А мама? – спросил он чуть слышно, – мама разве тебе не помогает?

– Мама! – фыркнула девушка, – нашей мамуле не до меня! Она сейчас вся в поисках.

– В поисках? – недоуменно сдвинул брови Юрий Никола-

евич, – в каких поисках?

– В поисках спутника жизни, – удивилась Варя непонятливости отца.

– Ааа, ну да, – кивнул головой Колотов, – все правильно.

– Правильно?! – глаза девушки блеснули гневом. Несколько секунд она не сводила с отца испытывающего взгляда.

– Папа, – голос Вари едва слушался свою хозяйку, – скажи мне честно. Ты когда-нибудь любил маму?

Под взглядом дочери Колотов потупил взор.

– От того я и жив до сих пор, что никогда не любил ее, – пробормотал он себе под нос.

– Что? – не поняла девушка, – что ты сказал?

– Так..., – махнул рукой Колотов, – это я о своем.

Еще с полминуты Варя изучала лицо отца.

– Ну, мне пора, пап, – она поднялась с дивана и направилась в коридор, – я на работу опаздываю.

Колотов молча кивнул и последовал за дочерью. Перед тем, как открыть дверь, девушка повернулась к отцу.

– Пап, ты все же позвони Геннадию Васильевичу. Может быть, тебе лучше вернуться в институт. А?

Юрий Николаевич снова кивнул головой. Варя шагнула к нему и поцеловала в щеку.

Проводив дочь, Колотов вернулся в комнату и сел на диван.

– С одной стороны, иметь детей это хорошо, – размышлял про себя Юрий Николаевич, – это радостно. Это наполняет

жизнь новым содержанием. Но с другой стороны, слишком это хлопотно и обременительно. Слава Богу, что у меня детей было не так много. Последним был... – Колотов на секунду задумался, – да, последним был Чэн. Я тогда жил в Шанхае и женился на хромой девушке. Ее звали Лин. У нее одна нога была сухая. Никогда не думал, что полюблю ее. А вот увидел, как она кормит грудью малыша и...

Воспоминания Колотова прервала трель звонка.

– Варя вернулась! – решил Юрий Николаевич, поднимаясь с дивана.

г. Назарет, 8 месяцев до Рождества Христова.

Возвращаться домой пришлось в полуденное пекло. Солнце, не сдерживаемое ни единым облачком, обрушило на голову несчастного плотника весь свой могучий жар. Вода, захваченная в дорогу, уже была выпита и Иосиф, обливаясь потом, с трудом проталкивал слюну сквозь пересохшее горло. Поднявшись на очередной пригорок, плотник, к своей радости, увидел внизу одинокое дерево, непонятно как выросшее в этой безжизненной местности. Иосиф прибавил шагу и вскоре со вздохом облегчения распластал уставшее тело в благодатной тени. Он закрыл глаза и постарался расслабить все мышцы, рассчитывая дать им хоть и кратковременный, но полноценный отдых.

В брошенном рядом мешке завошкала курица, плата за сооруженные для приятеля ясли.

– Как вернусь домой, попрошу старшую дочь сварить куриный суп, – решил Иосиф, – она замечательно готовит куриный суп с чесноком и укропом. А завтра заставлю Марию пожарить потроха на оливковом масле. И скажу, чтобы не жалела лука. Лук не позволит мясу зачерстветь и придаст ему...

– Иосиф! – раздался вдруг громоподобный голос.

В один миг Иосиф оказался на ногах и испуганно оглядел-

ся по сторонам. Ни одной живой души поблизости старый плотник не обнаружил.

– Иосиф, слышишь ли ты меня? – вновь прогремел голос.

К своему ужасу Иосиф понял, что источник загадочного голоса находится не вне, а внутри его самого (где точно, плотник определить затруднялся). Дикий, животный страх обуял Иосифа и заставил его тело сжаться в комок.

– Слышишь ли ты меня? – повторно прозвучал вопрос.

– Слышу, – прохрипел Иосиф осипшим голосом, – кто ты?

– Я – Ангел Господень Гавриил. Я послан Всевышним, чтобы известить тебя, Иосиф, о величайшем событии не только в твоей жизни, но и в жизни народа Израелева и всех других народов.

Ангел Господень сделал небольшую паузу, с тем, видимо, чтобы дать плотнику возможность осознать значимость происходящего.

– Иосиф, – продолжил он, – твоя жена Мария зачала ребенка от Святого Духа. Этому ребенку, со временем, суждено стать машиахом, который освободит народ Израилев от ига и укажет ему путь в царство, где люди будут жить по законам Торы.

Снова последовала пауза, в течение которой старый плотник продолжал дрожать всем телом и жалобно поскуливать как побитый щенок.

– Народившегося ребенка нареки Иисусом, – вновь зазвучал внутри Иосифа голос Ангела Господня, – береги его как

родных детей. Корми, пои и обучай. Береги также мать его, Марию, ибо и ей суждено стать фигурой значимой для многих грядущих поколений. Ты все понял, Иосиф? – возвысил голос Ангел.

– Понял, – жалобно проблеял плотник.

– Тогда ступай с Богом.

Иосиф явственно почувствовал, как нечто покидает его тело.

г. Свердловск, 1968 год.

Однако, то была не Варя. За дверью стояла незнакомая девушка лет двадцати трех в старомодном плаще и со школьным портфелем в руках. При первом взгляде на девушку Колотов невольно подался назад: столь неприятна оказалась внешность незнакомки. Глубокий шрам пробороzdил правую сторону девичьего лица, начинаясь от переносицы и заканчиваясь где-то на шее, ниже уха. Стянутая шрамом кожа обнажила нижнюю часть глазного яблока и его роговицу, выставляя напоказ красные прожилки кровеносных сосудов. Правая часть верхней губы, наоборот, задралась вверх, демонстрируя зубной оскал как у рычащей собаки.

– Здравствуйте. Вы Колотов? Юрий Николаевич?

Грудной, красивый голос явно контрастировал с внешностью его хозяйки.

– Он самый, – кивнул головой бывший ученый.

– Как хорошо, что я застала вас дома, – обрадовалась девушка, – я вам много раз звонила, но никто трубку не брал.

– А в чем, собственно говоря, дело? – недовольно сдвинул брови Юрий Николаевич.

– Я из ЖЭКа. Вы за квартиру уже третий месяц не платите.

– За квартиру..., – Колотов почесал затылок, – хорошо. Я заплачу.

Он попытался закрыть дверь, но девушка опередила его, шагнув на порог.

– Юрий Николаевич, пожалуйста, заплатите сегодня. Мне квартальный отчет необходимо закрыть.

Рука Колотова вновь потянулась к затылку.

– Сколько я вам должен?

– Тридцать шесть рублей, сорок две копейки, – тут же выпалила работница ЖЭКа.

– Сейчас принесу деньги.

Колотов повернулся, намереваясь идти в комнату, но девушка остановила его.

– Юрий Николаевич, вам нужно оплатить через сберкасу. Пожалуйста, пойдемте сейчас со мной. Сберкасса недалеко, возле кинотеатра. Пожалуйста, пойдемте.

Она молитвенно приложила свободную от портфеля руку к груди.

– Ладно, – вздохнул Юрий Николаевич, – в таком случае зайдите в квартиру, мне необходимо переодеться.

Оставив незваную гостью в коридоре, Колотов прошел в комнату и открыл шкаф. На глаза попался любимый костюм Юрия Николаевича, который он одевал лишь по торжественным случаям.

– А что? Почему нет? – пришла в голову озорная мысль, – пройду в сберкасу в костюме.

Быстро переодевшись, Юрий Николаевич вернулся в коридор.

– Ой! – девушка встретила хозяина дома восхищенным взглядом.

– Что? – недоуменно посмотрел на нее Юрий Николаевич.

– Вам очень к лицу этот костюм.

Колотов самодовольно хмыкнул и открыл дверь перед гостьей.

Они вышли из подъезда и направились в сторону кинотеатра. Однако у соседнего дома девушка замедлила шаг и бросила на Колотова робкий взгляд.

– Юрий Николаевич, в этом доме живет еще один мой должник. Давайте зайдем к нему. Может быть, мне повезет, и он тоже согласится оплатить долг.

– Давайте зайдем, – пожал плечами Колотов.

Они зашли в подъезд и поднялись на третий этаж. Нужная им дверь оказалась грязной, обшарпанной и с выломанным замком. Вместо кнопки звонка торчали два оголенных провода. Спутница Юрия Николаевича осторожно постучала в дверь. Ответом ей была тишина. Девушка вновь постучала. Результат оказался прежним. После третьей попытки Колотов аккуратно отодвинул девушку в сторону и с размаху треснул по двери кулаком.

– Чего расстучался!? – раздался из-за двери хриплый женский голос, – себе по лбу постучи.

Дверь распахнулась и перед Колотовым и его спутницей предстала женщина неопределенных лет с давно немывтыми, нечесаными волосами и красными, мутными глазами. Наго-

ту ее полного, рыхлого тела прикрывала мужская рубашка с засученными рукавами.

– Чего надо? – женщина смерила Колотова недобрым взглядом.

– Горбушин Аркадий Петрович здесь проживает? – выступила вперед спутница Юрия Николаевича.

– А ты кто такая? – на лице женщины изобразилась презрительная гримаса.

– Я из ЖЭКа, – чуть слышно выдохнула девушка.

– Аааа, – кивнула женщина и, развернувшись всем телом, громко прокричала вглубь квартиры, – Аркашка! Аркаш, тут к тебе пришли.

Послышались грохот упавшего на пол стула, грязная ругань и, наконец, шлепанье по полу босых ног. За спиной женщины нарисовалась фигура грузного мужика в рваной майке и длинных, до колен, мятых трусах.

– О чем базар? – просипел мужик, кладя руку на плечо женщины.

– Вот, она, – женщина кивнула на девушку, – из ЖЭКа к тебе пришла.

Мужик медленно перевел взгляд на спутницу Колотова.

– Аркадий Петрович, – залепетала та, нервно теребя ручку портфеля, – вы уже три месяца не платите за квартиру. Пожалуйста...

– Да, не плачу! – перебив девушку, прорычал мужик, – и не буду платить! Потому что я – инвалид труда. Мне скидка

полагается. Я твоему начальству уже объяснял.

– Но ведь у вас нет документа, удостоверяющего вашу инвалидность.

– Документ ей нужен! – театрально раскинул руки в стороны мужик, – человек ей по фене! Без бумажки он не человек! Ты на ноги мои посмотри, – мужик хлопнул себя по коленям, – я на улицу выйти не могу! До туалета с трудом добираюсь!

– Я все понимаю, Аркадий Петрович, – стала вдруг заикаться девушка, – но без документа...

– Понимает она! – скривил физиономию мужик, – ни хрена ты не понимаешь, образина кривая!

Девушка вздрогнула и невольно отступила назад, спрятавшись за спину Колотова.

Юрий Николаевич почувствовал, как кровь ударила ему в лицо. В глазах потемнело, а во рту сделалось так сухо, будто бывший ученый только что завершил многокилометровый кросс по пересеченной местности.

– Ну ты, мразь, – прохрипел Юрий Николаевич, шагнув вперед и пытаясь схватить мужика за майку, – извинись немедленно перед девушкой!

– Еще чего! – мужик ловко отбил руку Колотова, – не хватало мне у какой-то квазимоды прощения просить!

– Сволочь! – Юрий Николаевич занес руку для удара, но стоявшая перед ним женщина с неожиданной прытью для ее упитанного тела с визгом бросилась на Колотова и обхватила

его за шею. В следующий момент хозяин квартиры, воспользовавшись беспомощностью Юрия Николаевича, ударил кулаком ему в лицо, отчего из носа доктора наук тут же обильно хлынула кровь.

– Аааа! – отчаянный крик сотрудницы ЖЭКа заглушил визг толстухи. Девушка размахнулась портфелем и обрушила его на голову Горбушина. Тот скривился от боли, но тут же развернулся и попытался ответить своей обидчице увесистой оплеухой. Однако ему помешал Юрий Николаевич. Через голову продолжавшей визжать женщины, он успел раньше дотянуться кулаком до уха мнимого инвалида труда.

– Прре – крра-тить! Прре-крра-тить безобразие! – прогремел на весь подъезд могучий бас.

Участники драки, словно по приказу гипнотизера, застыли на месте. На пороге соседней квартиры, закрывая своим телом дверной проем, выросла могучая фигура мужчины в пижаме и фуражке военного летчика на голове.

– Аркашка, ты опять бузишь?! – продолжил сотрясать воздух громоподобным голосом военный летчик, – ни ночью, ни днем от тебя покоя нет! Еще раз на пятнадцать суток хочешь загреметь? Я тебе это устрою!

– Они первые начали драться, – захныкал мужик.

– Марш в свою квартиру! – вскинул руку летчик и, дождавшись когда за Аркашкой и его подругой захлопнулась дверь, повернулся к Колотову и девушке, – и вы ступайте. Дайте людям отдохнуть.

Колотов и его спутница не заставили просить себя дважды и почти бегом устремились вниз по лестнице.

– Юрий Николаевич! – ахнула девушка, когда они оказались на улице, – у вас все лицо в крови! И пиджак! И даже на брюках кровь! Нужно срочно все пятна засыпать солью. У вас соль дома есть?

– Есть, – кивнул головой Колотов.

– Пойдемте скорее. Брюки я вам отчищу, а вот пиджак не обещаю. Вероятно, его придется в химчистку отдавать. Возьмите платок, – девушка достала из кармана носовой платок, – приложите к носу.

Когда они вернулись в квартиру Колотова, девушка заставила Юрия Николаевича снять костюм, прошла в ванную комнату и принялась колдовать там над кровавыми пятнами.

– Извините, – Колотов встал у нее за спиной, – я в спешке забыл спросить, как вас зовут.

– Верой меня зовут, – девушка украдкой взглянула на Юрия Николаевича.

– Вера, – повторил тот, – красивое имя. Вселяет надежду в лучшее будущее.

– В меня оно ничего не вселяет, – вздохнула девушка.

– Отчего же так пессимистично?

Вера оторвалась от своего занятия и подняла глаза на хозяина дома.

– Юрий Николаевич, напрасно вы сегодня вступились за меня. К подобным оскорблениям я привыкла еще в детстве.

Стараюсь не обращать на них внимания. Я вам даже больше скажу: мне легче пережить высказанную в лицо правду, чем молчаливую жалость в глазах собеседника. Терпеть не могу, когда меня жалеют!

Вера мотнула головой и вновь склонилась над костюмом. Некоторое время Колотов молча наблюдал за ее работой.

– Вы не обидитесь, если я спрошу вас кое о чем? – первым нарушил молчание Юрий Николаевич.

– О шраме? – догадалась Вера, – меня многие об этом спрашивают. Мне тогда семь лет было. Мы в деревне жили. Отец трактористом работал. На этом тракторе мы с родителями и разбились. Отец с мамой погибли, а я вот такая стала. Нас с младшей сестренкой, ей тогда лишь годик исполнился, в детский дом определили.

– А родственников у вас не было? Которые вас могли бы к себе взять?

– Тетка была. Мамина старшая сестра. Она бездетная. Но ей муж не позволил нас удочерить. Только спустя девять лет, когда он умер, тетя нас к себе забрала в Свердловск. Но через два года она сама умерла. Я тогда только в институт поступила. Пришлось учебу бросать, идти работать... Ну вот, кажется, все отстиралось, – Вера придирчиво оглядела костюм, – теперь его нужно высушить и прогладить.

Она взяла из шкафа вешалку, аккуратно развесила на ней костюм и вынесла на балкон. Вернувшись в комнату, она огляделась по сторонам.

– Юрий Николаевич, скажите честно, когда вы в последний раз убрали в квартире?

Колотов в ответ растерянно пожал плечами. Вера решительно прошагала на кухню, и вскоре оттуда донесся ее голос:

– Юрий Николаевич, а что вы сегодня будете есть? У вас же холодильник пустой!

Девушка встала на пороге комнаты и, уперев руки в бока, вопросительно уставилась на хозяина дома.

– Я как раз собирался сходить в магазин, – с жалкой улыбкой проблеял Юрий Николаевич.

– Вот и прекрасно! Отправляйтесь в магазин. Я сейчас составлю для вас список необходимых продуктов. Когда вернетесь, будем готовить борщ. Вы любите борщ?

– Люблю, – радостно закивал головой Колотов.

Мяса в магазине, естественно, не оказалось. Пришлось ехать на рынок. Поэтому поход за продуктами растянулся на два часа. Когда с полными сумками Колотов подходил к дому, с детской площадки до его слуха донесся слабый голос:

– Николаич.

Колотов обернулся и увидел Трофима. Тот сидел, скрючившись, на низкой скамейке у детской песочницы. Тело его мелко тряслось и, в такт ему, тряслась нижняя челюсть бывшего штурмана.

– Николаич, – еще тише повторил Трофим.

Колотов подошел к другу.

– Николаич, помираю я, – просипел Трофим, – так хреново мне еще никогда не было. Выручай. Давай опохмелимся. Тебе, наверное, тоже не сладко.

Юрий Николаевич задумался:

– Опохмелиться сейчас, действительно, не помешало бы. Но ведь его ждет с продуктами Вера...

– Не могу я, – покачал головой Колотов, – родственница ко мне приехала. Вот, – кивнул он на сумки, – в магазин за продуктами бегал.

– Николаич, займи трояк, – Трофим прижал руки к груди, – Богом клянусь, на следующей недели отдам.

Колотов поставил сумки на землю, засунул руку в карман и, вытащив оттуда деньги, протянул Трофиму. Видимо, бывший штурман не рассчитывал так легко заполучить нужную сумму. Он зажал купюру в кулаке, живо соскочил со скамьи и затрусил по направлению к магазину. Через несколько шагов он остановился, обернулся и махнул Колотову рукой.

– Спасибо, Николаич. Через неделю верну.

Родные пенаты встретили Колотова чистотой и порядком, которых не знали со времен поселения в них Юрия Николаевича. Хозяин дома, удивленно озираясь, обошел свои владения и остановился посреди комнаты.

– Это моя квартира? – повернулся он к Вере, которая пряталась за косяком двери.

– Конечно, ваша, – рассмеялась девушка, – Юрий Николаевич, позвольте я вам завтра шторы на окна принесу? Без

штор комната какая-то голая, неудобная.

– Валяйте, – махнул рукой Колотов, – но с условием, что стоимость штор я вам возмещу.

Вера подхватила принесенные Колотовым сумки и потащила их на кухню.

– Юрий Николаевич, – донесся оттуда ее грудной голос, – вам поручается почистить и порезать картошку. Остальное сделаю сама.

Через полтора часа густой, наваристый борщ уже разливался по тарелкам.

– Много я ел различных овощных супов, но ни один из них не похож на русский борщ, – подумал Колотов, усердно работая ложкой, – болгарский таратор, итальянский минестроне, испанский гаспачо, словацкий демикат, американский вишисуаз..., – стал вспоминать Юрий Николаевич названия блюд, которые ему доводилось в разное время пробовать, – все не то. Свекла! Вот что отличает борщ от других овощных супов. Свекла придает особый вкус и цвет блюду.

Покончив с борщом, принялись за чай с тортом, который отсутствовал в Верином списке продуктов и который Колотов купил по собственной инициативе. За чаем шел оживленный разговор. Вера рассказала о своем детстве, о жизни в детдоме. Юрий Николаевич сосредоточился в основном на своей научной карьере. За окном уже стемнело, когда Вера засобиралась домой. Колотов проводил девушку до автобусной остановки.

Проснувшись на следующее утро, Юрий Николаевич ощутил на душе одновременно, казалось бы, несовместимые чувства: радость и тоску. Радость навевали чистая комната, залитая солнечным светом, открытое окно, сквозь которое слышалось веселое щебетание воробьев, а главное, отсутствие похмелья, мучившего Юрия Николаевича почти каждое утро в последние два-три месяца. Не было головной боли, тошнотворного запаха во рту, не было изматывающей нервы и опустошающей сознание дрожи в теле.

Тоску же исподволь, но настойчиво порождали воспоминания о минутах удовольствия от общения с зеленым змием. Память услужливо рисовала моменты, когда этот змий добирается до желудка и нежно обжигает его стенки. Далее, теплой волной змий разносится по всему телу и достигает головы, вызывая в ней удивительные, волшебные действия. Житейские проблемы вдруг становятся мелочными и незначительными. Их решение кажется делом настолько пустяковым, что о нем даже не хочется думать. Думать вообще не хочется. Мысли, обгоняя друг друга, устраивают в голове веселый хоровод, от которого возникает желание петь, танцевать и веселиться.

– Надо сходить в магазин, купить четвертинку, – решил про себя Юрий Николаевич, – от четвертинки сильно не захмелею, а жизненный тонус подниму.

Колотов откинул одеяло и спустил ноги на пол. Взгляд на-

шел домашние тапочки, дружной парой стоящие возле кровати.

– А почему они чистые? – удивился Юрий Николаевич и тут же хлопнул себя по лбу, – Вера! Конечно, это она почистила мои тапочки, пока я ходил за продуктами.

Следующая мысль привела Колотова в замешательство:

– Вера обещала прийти вечером, повесить шторы, а я собираюсь выпить. Но ведь четвертинка это – так..., пшик. К вечеру буду как огурчик, – попытался успокоить свою совесть Юрий Николаевич. Но внутренний голос безжалостно прервал эти попытки:

– Ты же не остановишься на четвертинке! Побежишь за второй, потом за третьей!

Колотов тяжело вздохнул, засунул ноги в тапочки и поплелся на кухню заваривать чай.

* * *

– Юрий Николаевич, я не удержалась и купила гардины. Ваши гардины совсем не подходят к тем шторам, которые я купила.

Вера боком протискивалась сквозь дверной проем, одной рукой прижимая к себе огромный сверток, а в другой держа массивные, инкрустированные гардины.

– Зря вы это сделали, – проворчал Колотов, тем не менее, бросаясь помогать девушке, – боюсь, получится как у Иль-

фа и Петрова. Правда, у тех все начиналось с матраса, а у меня с гардин. К таким красивым гардинам потребуется не менее красивый письменный стол. К столу – диван, к дивану – шкаф и пошло и поехало...

– А что в этом плохого? Вам разве не хочется жить в уютной, со вкусом обставленной квартире?

Юрий Николаевич в ответ пожал плечами.

– Снимайте старые гардины, – распорядилась Вера.

Операция по замене гардин и развешиванию штор, к удивлению Колотова, заняла совсем немного времени. Через полчаса Вера, стоя на стуле, завершала работу, любовно поправляя складки на ткани.

– А у нее стройные ноги, – отметил про себя Юрий Николаевич, – и бедра, и попка, а то, что лицо..., так это даже к лучшему.

– Вот и все, – Вера опустила руки и повернулась к Колотову. Улыбка на ее лице сменилась удивлением и настороженностью.

– Почему вы на меня так смотрите? – чуть слышно прошептала она.

– Любуюсь.

– Любуется?! – Вера недоверчиво покачала головой, – мной?!

– Тобой, – Колотов шагнул к девушке и положил руки ей на бедра, – и перестань все время поворачиваться ко мне левой стороной. Я уже давно перестал замечать твой шрам.

– Я... , я не поворачиваюсь, – щеки Веры запылали огнем.
– Вот и не поворачивайся.

Колотов наклонил голову и зарылся лицом в девичью грудь, с жадностью вдыхая запах разгоряченного женского тела. Одновременно руки Юрия Николаевича принялись лихорадочно метаться вверх-вниз, то сжимая Верины ягодицы, то пытаясь расстегнуть застёжки на лифчике, а то залезая девушки под трусики.

– Юрий Николаевич, – простонала молодая женщина, – вы меня сейчас уроните со стула.

– Угу, – кивнул Колотов и, подхватив Веру на руки, понес на кровать...

– А я знала, что тебя встречу, – они, обнявшись, лежали на кровати, и Вера уткнулась лицом в плечо Колотова, – не тебя, конкретно, но похожего на тебя. Мне цыганка в прошлом месяце нагадала встречу с высоким брюнетом.

– Еще чего она тебе нагадала? – усмехнулся Колотов.

– Много чего, – в голосе Веры прозвучала обида.

– И ты всему этому веришь?

– Я вообще верю в судьбу, – Вера уперлась локтем в подушку, чтобы заглянуть Колотову в глаза, – к примеру, верю, что судьба меня к тебе привела.

– Это как?

– Вчера к должникам должна была идти не я, а моя напарница. Она уже в дверях стояла, когда ей из детского садика позвонили: ребенок ее заболел, температура высокая.

Пришлось мне идти. Но это еще не все, – Вера прикрыла ладонью рот Колотова, который пытался что-то сказать, – я ведь тогда к Горбушину заходить не собиралась. Знала, что за квартиру он все равно платить не будет. А как мы вышли из твоего дома, меня будто кто в спину толкал: Иди! Иди! Я и пошла. Ты там за меня вступился. Тебе нос разбили. С этого все и началось.

– Так ты полагаешь, что судьба человека предопределена?

– Конечно!

– И от самого человека ничего не зависит?

– Не зависит. Хотя сам человек думает, что зависит. Но то, что он решает сделать, за него уже было решено свыше.

– Выходит, кто-то там, наверху пожелал, чтобы я спился?

– А ты что...? Действительно, спился?

– Ну..., может быть, не совсем, – смутился Юрий Николаевич, – я уже два дня не пью. Благодаря тебе, – Колотов погладил Веру по плечу, – но я не уверен, смогу ли удержаться, когда тебя рядом не будет.

На переносице Веры пролегла задумчивая складка.

– Юра..., – начала она нерешительно, – я уже три года отпуск не брала. Мне недавно начальник предложил... Коро-че, как ты посмотришь на то, если я на месяц перееду к тебе? Чтобы быть рядом..., помочь. Мне кажется, вместе мы сумеем справиться с твоей проблемой. А?

– Завтра же переезжай, – обрадовался Колотов.

Три недели спустя.

Не открывая глаз, Юрий Николаевич перевернулся на бок и протянул руку в надежде обнять Веру, однако рука шлепнулась на уже успевшее остыть пустое место. Юрий Николаевич напряг слух. Из ванной комнаты доносился чуть слышимый шум льющейся из крана воды. Колотов лениво потянулся, разминая затекшие мышцы, и открыл глаза. Сквозь неплотно прикрытые шторы в комнату проникал мутный свет зарождающегося утра. Юрий Николаевич скосил глаза на будильник. Стрелки показывали половину седьмого. Шум воды прекратился, и Колотов приподнял голову, готовясь встретить Веру. Она появилась через минуту и, осторожно ступая, стала красться к шкафу.

– Я не сплю, – подал голос Юрий Николаевич.

Вера вздрогнула и остановилась.

– Ты почему так рано проснулся?

– Не знаю, – зевнул Колотов, – наверное, почувствовал, что тебя рядом нет. А ты почему в такую рань поднялась?

– Надо домой съездить, – Вера подошла к шкафу и стала доставать одежду, – Светку проведать. Посмотреть, как она одна с хозяйством управляется. Уже три недели без меня живет.

– Так ты же ей каждый день по несколько раз звонишь.

– Одно дело звонить, а другое самой убедиться, что все в

порядке. Да и соскучилась я по ней. Младшая сестра как ни как. Ты же знаешь, я ей вместо матери.

Вера быстро оделась и прошла в коридор.

– Вераша, ты когда вернешься? – крикнул ей вслед Колотов.

Девушка осторожно выглянула из-за дверного косяка. Лицо ее светилось счастливой улыбкой, которая лучше всякой косметики скрывала безобразный шрам.

– Знаешь, ты первый, кто называет меня Верашей. Мама иногда Верушей звала. Светка – Веруней. А вот Верашей – никто и никогда.

– А тебе самой нравится это имя?

– Очень.

– Тогда я всегда буду звать тебя Верашей, – улыбнулся Колотов, – кстати, ты мне не сказала когда вернешься.

– К обеду вернусь. Пока. Не скучай.

Вера помахала рукой и скрылась в темноте коридора. Хлопнула входная дверь. Юрий Николаевич подложил руки под голову и уставил взгляд в потолок.

– Это хорошо, что Вера сегодня ушла, – подумал он, – не хочу при ней Генке звонить. Потому уже второй день звонок откладываю. Сегодня точно позвоню, но не с утра. Утром он обычно занят. Позвоню ближе к обеду.

Колотов откинул одеяло и встал с кровати. Быстро покончив с туалетом, он оделся и вышел из дома, чтобы купить

свежие газеты. (Бросив пить, Юрий Николаевич вернулся к своей прежней привычки: читать за завтраком утреннюю прессу.) Ближайший газетный киоск располагался за углом дома, но Юрий Николаевич решил пройти к дальнему киоску, у кинотеатра, рассчитывая в течение неспешной прогулки еще раз продумать предстоящий телефонный разговор с бывшим начальником.

Вернувшись домой, Колотов заварил кофе и пожарил яичницу. Завтрак и чтение газет он умудрился растянуть почти на два часа. В течение этого времени Юрий Николаевич украдкой бросал взгляды на часы. Ровно в одиннадцать он подошел к телефонному аппарату и набрал номер завлаба.

– Алло, – раздался из трубки знакомый голос.

– Геннадий Васильевич? Приветствую. Колотов беспокоит.

Не успел Юрий Николаевич закончить заготовленную фразу, как его оглушил Генкин вопль.

– Юра!?! Ты?! Вот здорово, что позвонил! А мы только сегодня утром тебя вспоминали. Представляешь, экспертную оценку мы без тебя так и не смогли закончить. Нашему директору каждый день из Москвы звонят. Во все дыры его бедного сношают. Они его, а он меня. Тьфу, что я все о себе? У тебя что нового? Здоровье как? Ну... и вообще?

От столь бурного начала беседы заготовленный план разговора вылетел у Колотова из головы.

– Гена..., – Юрий Николаевич почувствовал, как преда-

тельски дрожит его голос, – ты прости меня..., ну за последнюю нашу встречу..., я тогда накричал на тебя...

– Юра! Это ты меня прости! Я же тогда повел себя как последняя скотина...

Генкин голос, видимо, тоже отказался слушаться своего хозяина. Завлаб замолчал, тяжело переводя дыхание.

– Гена, – первым возобновил разговор Колотов, – а ведь я пить бросил.

Трубка загромыкала Генкиным кашлем.

– Ты..., ты это серьезно? – едва смог выговорить он.

– Абсолютно. Уже три недели во рту ни капли не было. Гена..., – Колотов глубоко вздохнул, прежде чем перейти к главному вопросу, – я хотел бы вернуться в институт. Возьмешь меня к себе?

– Юра! Юра! – взревел завлаб, – какие могут быть вопросы?! Сегодня же приходи! Сейчас же! Немедленно!

Менее чем через час Юрий Николаевич входил в кабинет, который посещал последний раз три недели назад. Завлаб выскочил из-за стола и, подлетев к Колотову, обнял его и прижал к себе. Затем, отстранившись, внимательно посмотрел гостю в глаза.

– Юра, а что случилось?

– Ты о чем? – Колотов растерянно пожал плечами.

– Что с тобой произошло? Ты весь светишься изнутри. Словно тебе Нобелевскую премию присудили. Вон, в глазах

огонь пионерский горит.

– Так я же тебе говорил: с выпивкой завязал.

– Неет, – покачал головой Генка, – тут что-то другое. Ты случаем не влюбился?

В следующую секунду Юрий Николаевич почувствовал, как кровь ударила ему в лицо. Дыхание перехватило, а меж лопаток выступил холодный пот.

– Нет! Нет! – яростно замотал он головой, – конечно, нет!

– Чего ты так испугался? – изумился завлаб, – нет, так и нет.

Он схватил Колотова за руку и потянул к столу.

– Садись, я тебе наши последние новости поведаю.

Из здания института Колотов вышел, когда уже стемнело. За это время он успел узнать последние институтские новости, написать заявление о приеме на работу, а главное, докончить пояснительную записку по экспертной оценке прибора УТ-2. Пока находился в институте, ни о чем, кроме работы, думать не мог. Сейчас же, шагая к остановке автобуса, Юрий Николаевич вспомнил Генкины слова, брошенные им в первую минуту их встречи.

– Нет! – как и тогда, в кабинете начальника, затряс головой Юрий Николаевич, – этого не может быть! Да, она хорошая, добрая, отзывчивая. Но ведь она некрасива! Она уродлива! Никакой любви быть не может! Не может!

Выйдя из автобуса и перейдя дорогу, Колотов через двор направился к своему дому. На детской площадке, как обыч-

но в вечернее время, собралась пьяная компания. Слышались ругань и раскатистый смех. Один из голосов показался Юрию Николаевичу знакомым.

– Бля буду, это он! Он, я вам говорю! – вопил мужик, – это он меня тогда в ухо еб – л!

Колотов узнал этот голос. Принадлежал он Веринному должнику, Аркашке Горбушину. Юрий Николаевич невольно ускорил шаг.

– Стой! – зарычал Аркашка, – стой, падла!

За спиной Колотова послышался топот ног.

– Бежать? – промелькнул в голове ученого вполне уместный вопрос, – а если Вера, по обыкновению, дожидаясь меня, смотрит в окно? Я что же, у нее на глазах, как последний трус, стану удирать от кого-то подонка? Нет!

Колотов остановился и резко развернулся. К нему бежали двое:

Горбушин и долговязый мужик в мятом пиджаке и кепке, сдвинутой на бикрень.

– Чо, со страха обосрался? – Аркашка остановился в двух шагах от Колотова, – бежал аж пятки сверкали.

Юрий Николаевич молча смотрел Горбушину в глаза.

– Поговорим? – тот придвинулся ближе к Колотову. На Юрия Николаевича пахнуло уже забытым запахом перегара.

– О чем? – сквозь зубы процедил Колотов.

– А вот о чем.

Аркашкин кулак взметнулся вверх, нацеливаясь Юрию

Николаевичу в лицо. Колотов резко наклонился влево, одновременно выбрасывая правую руку вперед. Его кулак встретился с подбородком противника. Горбушин качнулся всем телом назад, но в следующую секунду, взревев как раненный буйвол, кинулся на Колотова, выставив вперед руки. Не растерявшись, Юрий Николаевич, как заправский тореадор, сделал шаг в сторону и уже занес руку для удара в много-страдальное Аркашкино ухо, как вдруг почувствовал резкую, пронизывающую боль под левой лопаткой. Перед глазами поплыли яркие, неразборчивые картинки. В висках застучало так, словно по ним били тяжелым молотком. Потом все неожиданно стихло, и Юрий Николаевич ясно услышал Аркашкин голос:

– Ты чо, Штырь, ох-ел?! Ты чего натворил?! Ты же замочил его!

г. Назарет, 8 месяцев до Рождества Христова.

Пандера достал из печи готовую посуду, три горшка и чашу, и поставил их на стол остывать. В корыте лежал замес для следующей партии посуды, но горшочник не спешил приступать к работе. Он прошел в дальний угол мастерской, опустился на табурет и, подперев голову руками, погрузился в размышления, которые не давали ему покоя вот уже третий день к ряду.

Три дня назад, при последнем свидании, Мария сообщила Пандере о своей беременности. Новость эта заставила горшочника застыть в оцепенении. Долгое время он молча тарачил на молодую женщину полные ужаса глаза.

– Что теперь делать? – спросила Мария чуть слышно.

“Что делать?” Именно этот вопрос постоянно мучил горшочника на протяжении последних трех дней. “Что делать?” – спрашивал он себя и не находил ответа.

Около года назад Пандера случайно встретил Марию на рынке. Конечно, он и раньше видел девушку, но не обращал на нее особого внимания. В этот раз все было иначе. Взгляд бездонных карих глаз, разлет густых бровей, подобных крыльям птицы, милое очертание алых губ девушки поразили молодого (Пандере недавно исполнилось двадцать пять) человека, словно удар молнии. Подобно зомби, не отдавая от-

чета в своих действиях, он брел по рынку за Марией и не сводил с нее глаз. Вскоре девушка заметила внимание со стороны горшочника. Она улыбнулась ему краем губ и тут же низко склонила голову. Потом к Марии подошла ее мать, и они покинули рынок.

Остаток того дня Пандера провел как в бреду. Ни есть, ни пить он не мог. Работа валилась из рук. Ночь он провел без сна, мечась по постели, словно в предсмертной агонии. На следующее утро горшочник отправился к старому шадхану, свату. Старик жил в соседнем доме, через забор от Пандеры и знал молодого человека с раннего детства.

Лишь справившись о здоровье старца, горшочник тут же объяснил причину своего визита. Шадхан слушал молодого человека молча, слегка покачивая головой.

– Я прошу тебя сегодня же сходить к торговцу Исааку и сосватать за меня его дочь Марию, – закончил свою речь Пандера.

Шадхан продолжал молчать, внимательно рассматривая носки своих ног. Наконец, он поднял голову и неожиданно спросил:

– Известна ли тебе притча о римской матроне?

Пандера в растерянности замотал головой.

– Римская матрона, – начал старец тихим голосом, – пришла к рабби и спросила: за сколько дней Бог создал мир?

– За шесть, – ответил рабби.

– А чем Бог занимается с тех пор? – последовал новый

вопрос.

– Он заключает браки, – не задумываясь, ответил рабби.

Старый шадхан улыбнулся.

– Если ты полюбил девушку и, даже если девушка ответила тебе взаимным чувством, это отнюдь не означает, что ваш брак будет счастливым и прочным. Счастливые браки вершатся Богом и мы, шадханы, призваны доносить до людей Господни решения. Всевышний указывает нам, которая из женщин должна стать женой данного мужчины и, наоборот, который из мужчин должен стать мужем данной женщины.

– Послушай, старик, – Пандера схватил шадхана за руку, – но ведь возможно, Мария – именно та женщина, которая предназначена мне Богом. Умоляю тебя, спроси его об этом.

Вновь улыбка осветила лицо старца.

– Хорошо, – кивнул он головой, – я выполню твою просьбу. Я знаю торговца Исаака и знаю его дочь. Я спрошу мнение Всевышнего о вашем браке, но предупреждаю: в Назарете и его окрестностях много невест, а потому шансов, что выбор Господа падет на Марию ничтожно мал. А сейчас выйди во двор, – шадхан указал молодому человеку на дверь, – и подожди меня там. Разговаривать с Богом я должен в одиночестве.

Время тянулось невероятно медленно. Пандера сделал уже более трехсот шагов по периметру двора (точное число шагов он не знал, поскольку однажды, услышав громкое

восклицание шадхана, сбился со счета), а хозяин дома по-прежнему оставался внутри помещения. Солнце стало припекать, и горшочник почувствовал, что исподняя одежда на спине уже пропиталась потом. Он зашел под навес и огляделся по сторонам, выискивая место, где ему можно было бы присесть.

– Пандера, – услышал он вдруг за спиной слабый голос.

Молодой человек вздрогнул и оглянулся. Хозяин дома медленной, шаркающей походкой приближался к нему.

– Возрадуйся, Пандера! – старик подошел к горшочнику и положил руку ему на плечо. Глаза его светились загадочным блеском, – свершилось чудо! Я перебрал более трех десятков известных мне девиц в Назарете и окрестных деревнях, и Господь указал мне на ту, которую ты любишь! Возрадуйся, Пандера! Мария станет твоей женой! Сегодня вечером я пойду к торговцу Исааку и посватаю тебя к его дочери. Завтра утром приходи ко мне. Будем готовиться к свадьбе, мой мальчик!

На следующее утро, лишь только зарозовело небо на востоке, Пандера уже стоял подле глинобидного забора, разделяющего его двор с двором шадхана, и внимательно прислушивался к тому, что происходит в доме соседа. Едва услышав голос старца, горшочник со всех ног бросился со двора и через несколько мгновений предстал перед шадханом. Старец встретил его угрюмым взглядом.

– Этот Исаак – паршивая свинья, – прорычал он, – воню-

чий шакал, верблюд облезлый!

– Что случилось, старик?! – голос Пандеры задрожал в предчувствии беды.

– Он презрел наши обычаи! – продолжал рычать шадхан, – он презрел волю Господа! За это ему вечно гореть в Геенне огненной!

– Ради Бога, скажи мне, что случилось! – Пандера схватил старика за плечи и несколько раз с силой потрянул его иссохшее тело.

– Исаак отказал тебе, – чуть слышно прошептал старец и низко склонил голову, – он сказал, что ему нужно отдать долг ростовщику. Поэтому он собирается выдать Марию за человека, который сможет заплатить за нее богатый могар. Исаак знает, что ты беден, поэтому он тебе отказал.

Едва различая дорогу, Пандера добрался до своей мастерской, сел в углу на табурет и уставил невидящий взгляд себе под ноги. Так он просидел до вечера. Мать несколько раз звала его к столу, но молодой человек в ответ лишь яростно тряс головой.

Утром следующего дня Пандера снова пошел к шадхану. На немой вопрос вскинутых вверх бровей старика горшочник с жаром выпалил:

– Подыщи мне невесту. Я хочу жениться.

Губы шадхана скривились в грустной улыбке. Он взял молодого человека за руку, провел под навес и усадил на скамью. Опустившись рядом, старик положил руку горшочнику

на колени.

– Я тебя хорошо понимаю, – тихо заговорил он, – сам когда-то был в таком положении. Все мне тогда опостылело. Жить не хотелось. Думал оставить дом и уйти, куда глаза глядят. Спасибо отцу: образумил меня, на путь истинный наставил.

Тобой сейчас, как и мной в то время, руководят чувства, а не разум. Твое самолюбие уязвлено, любовь твоя отвергнута и в тебе кипит обида, которая толкает на необдуманные поступки. Поверь мне, старику, твое сердце еще долго будет принадлежать Марии. Ее образ будет еще долго стоять перед твоим мысленным взором. Если ты сейчас женишься, то пройдет совсем немного времени и твоя жена почувствует твое состояние. И тогда она возненавидит тебя. А ненависть женщины в тысячу раз страшнее ненависти мужской. Твоя жизнь превратится в кошмар. Поэтому, внемли моему совету, мальчик: не спеши и не горячись. Потерпи год-полтора и твоя душевная боль утихнет. Твой разум очистится от накипи чувственных переживаний, и ты снова сможешь осознанно выбирать свою жизненную дорогу.

Вернувшись домой, Пандера прошел в мастерскую и принялся готовить замес с таким усердием, словно готовился выполнить заказ царя Иудеи. Но, если руки горшочника машинально делали знакомую им работу, то голова его была занята мыслями о только что состоявшемся разговоре. Раз за разом молодой человек прокручивал в сознании слова ста-

рого шадхана, спорил с ним, приводил собственные доводы, но каждый раз вынужден был признаваться самому себе, что старик во всем прав.

Прошло два месяца или чуть более того. Однажды Пандера возвращался с рынка, где торговал своими изделиями. День выдался удачным и горшочник сумел продать почти всю посуду, которую захватил из дома. Решив сократить путь, Пандера свернул на узкую, пыльную улочку, петлявшую меж домов. Неожиданно впереди замелькала женская фигура с двумя кувшинами воды в руках. Женщина шла в том же направлении, что и горшочник. Расстояние между ними быстро сокращалось. На очередном повороте дороги Пандера сумел разглядеть профиль идущей впереди женщины, и в следующее мгновение сердце молодого человека учащенно забилося: это была Мария. Горшочник прибавил шаг и уже не шел, а почти бежал, взбивая босыми ступнями облака пыли. Услышав за собой топот ног, Мария обернулась. Пандера заметил, как она вздрогнула всем телом, а глаза ее испуганно расширились. В следующий миг молодая женщина бросилась прочь и через десяток шагов скрылась за дверью одного из домов. Пандера догадался, чей это был дом. Он знал, что не так давно Мария вышла замуж за плотника Иосифа.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.